

Уильям Сароян

Холодный день

*Часть сборника
Отважный юноша на летящей
трапеции (сборник)*

Уильям Сароян

Холодный день

«ЭКСМО»

1934

Сароян У.

Холодный день / У. Сароян — «Эксмо», 1934

ISBN 978-5-457-60459-9

"...сегодня в Сан-Франциско очень холодно. В моей комнате такой колотун, что, как только я берусь за короткий рассказ, меня сковывает холод, и мне приходится вставать и делать упражнения, чтобы согреться. Значит, нужно принимать какие-то меры, чтобы сочинители коротких рассказов могли работать в тепле. Бывает, в стужу мне удастся писать весьма недурные вещи, а в другое время – не удастся. То же бывает, когда погода великолепна. Мне очень досадно, когда день проходит, а рассказ так и не написан. Вот поэтому я и пишу тебе – знай, как я зол на погоду. Не думай, что я сижу в уютной теплой комнате в пресловутой солнечной Калифорнии и выдумываю всякую всячину про холода. Я сижу в страшно холодной комнате, и солнца не видать. Единственное, о чем я способен говорить, – это о холоде, потому сегодня у нас, кроме холодов, ничего не происходит. Я так замерз, что зуб на зуб не попадает. Интересно знать, заботилась ли когда-нибудь демократическая партия о замерзающих авторах коротких рассказов? А то у всех остальных отопление есть. Приходится надеяться на солнце, а зимой на него не понадеешься. Вот в какой переплет я попал: хочется сочинять, да не может, а все из-за холодов..."

ISBN 978-5-457-60459-9

© Сароян У., 1934

© Эксмо, 1934

Уильям Сароян Холодный день

Дорогой М.!

Хочу сообщить тебе, что сегодня в Сан-Франциско очень холодно. В моей комнате такой колотун, что, как только я берусь за короткий рассказ, меня сковывает холод, и мне приходится вставать и делать упражнения, чтобы согреться. Значит, нужно принимать какие-то меры, чтобы сочинители коротких рассказов могли работать в тепле. Бывает, в стужу мне удается писать весьма недурные вещи, а в другое время – не удается. То же бывает, когда погода великолепна. Мне очень досадно, когда день проходит, а рассказ так и не написан. Вот поэтому я и пишу тебе – знай, как я зол на погоду. Не думай, что я сижу в уютной теплой комнате в пресловутой солнечной Калифорнии и выдумываю всякую всячину про холода. Я сижу в страшно холодной комнате, и солнца не видать. Единственное, о чем я способен говорить, – это о холоде, потому сегодня у нас, кроме холодов, ничего не происходит. Я так замерз, что зуб на зуб не попадает. Интересно знать, заботилась ли когда-нибудь демократическая партия о замерзающих авторах коротких рассказов? А то у всех остальных отопление есть. Приходится надеяться на солнце, а зимой на него не понадеешься. Вот в какой переплет я попал: хочется сочинять, да не может, а все из-за холодов.

Прошлой зимой солнце однажды заглянуло в мою комнату, и его лучи упали на мой стол, согрел его, комнату да и меня. Я на скорую руку сделал несколько упражнений и сел за рассказ. Но день-то был зимний, и не успел я написать первый абзац, как солнце спряталось за облака, а я остался сидеть и сочинять в холоде. Рассказ получался отменным, и, даже зная, что его никогда не напечатают, я все равно не мог от него оторваться. В результате, пока его дописывал, я ооченел. Лицо посинело, и я с трудом шевелил одеревеневшими руками и ногами. В моей комнате дым стоял коромыслом от сигарет «Честерфилд», но и он застыл. Дым клубился по комнате, и все равно было жутко холодно. Как-то во время работы мне пришлось в голову раздобыть таз и развести в нем огонь. Я надумал развести костерок из полдюжины своих книг, чтобы согреться и закончить рассказ. Я нашел старый таз и притащил домой, но когда я огляделся по сторонам в поисках книг на растопку, то ни одной не нашлось. Все книги у меня ветхие и дешевые, их около пятисот, и за большинство я заплатил по пять центов. Но когда я стал искать, какую бы сжечь, ни одной такой не нашлось. Вот, скажем, объемистая тяжеленная книга по анатомии на немецком, из которой получился бы отличный костер, но когда я раскрыл ее и прочел всего одну строку на этом прекрасном языке: *sie bestehen aus zwei Hüftgelenkbeugemuskeln des Oberschenkels, von denen der eine breitere* и так далее, – рука не поднялась. Это было выше моих сил! Я не понимал языка, ни единого слова во всей книге, но она была слишком красноречива, чтобы ее сжигать. Года два-три назад она обошлась мне в пять центов, весила фунтов шесть и даже в качестве дров представляла выгодную сделку, и я мог бы вырывать страницы, чтобы развести огонь.

Но я не смог! В ней было больше тысячи страниц, и я собирался сжигать по одной и смотреть, как они горят, но когда я представил себе, как печатное слово будет поглощать огонь, а весь этот чеканный язык исчезнет из моей библиотеки, то я просто не посмел. Эта книга хранится у меня до сих пор. Когда я устаю от чтения великих писателей, я беру ее и читаю на языке, которого не понимаю: *während der Kindheit ist sie von birnförmiger Gestalt und liegt vorzugsweise in der Bauchhöhle*. Сама мысль о сожжении тысячи страниц на таком языке святотатственна. И конечно, я еще ничего не сказал о ее великолепных иллюстрациях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.